Политическое влияние в международной финансовой системе

Д.А. Дегтерев

Дегтерев Денис Андреевич — к.э.н., заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений МИД России; Российская Федерация, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; Москва 119454, просп. Вернадского, д. 76; E-mail: degterev@mgimo.ru; Degterev_da@pfur.ru

Статья посвящена оценке влияния отдельных стран в системе глобального финансового управления. За основу взята методология международной политической экономики, изучающая взаимодействие политических и экономических процессов на международной арене. Раскрыт дуализм природы международных финансовых институтов, которые, с одной стороны, являются межправительственными организациями, а с другой стороны — это финансовые институты, которые действуют как коммерческие финансовые организации, преследуя финансовые цели. Исследуется соблюдение принципов суверенного равенства, справедливого географического представительства и равного (паритетного) представительства групп государств с несовпадающими интересами в основных международных финансовых институтах (МВФ, «Группа двадцати» и СФС). Проанализирован механизм принятия решений в рамках МВФ, в том числе в Исполнительном совете, и перераспределение квот между странами-членами организации в последние годы. Особое внимание уделено формуле расчета квоты, ее критике и возможным направлениям ее реформирования. В статье выявлены основные причины снижения влияния МВФ и формирования новой, распределенной системы глобального финансового управления.

Представлена иерархия (как по функциям, так и по страновой репрезентативности) системы глобального финансового управления, сложившейся к 2010 г. Показано лидерство отдельных стран по количеству и по основным показателям (выручка, активы и рыночная капитализация) глобальных системно значимых финансовых институтов (банки и страховые компании). На основе анализа членства в «Группе семи» и «Группе двадцати», СФС, ОЭСР, БМР и МВФ выделено ядро, полупериферия и периферия международной финансовой системы в контексте мир-системной теории. Рассмотрено влияние технических элит, сложившихся в международной финансовой сфере, и качественный состав (образование) данных элит. Сделан вывод о существенной поляризации международной финансовой системы (ядро и так называемое маргинальное большинство). В отличие от МВФ, во вновь созданных глобальных финансовых институтах («Группа двадцати» и СФС) в полной мере соблюдаются принципы справедливого географического представительства и паритетного представительства государств с несовпадающими интересами.

Ключевые слова: международные финансы; глобальное управление; международная политическая экономика; политическое влияние; квоты; МВФ; СФС; «Группа двадцати»

За 70 лет функционирования ООН был создан свод правил, которые связаны с работой международных межправительственных организаций и основаны на универсальных принципах международного права, а также на многолетней практике применения правил процедуры, в частности на принципах формирования органов этих организаций. Несоответствие международных организаций данным подходам приводит к негативному их восприятию в терминах справедливости или даже «благого управления» (good governance) [Woods, 1999, p. 39–61].

В частности, речь идет о принципе суверенного равенства государств, закрепленного в п. 1 ст. 2 Устава ООН¹, под которым понимается обеспечение юридически равного участия в международных отношениях всех государств, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера. Более того, согласно ст. 10 Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г., «...все государства юридически равноправны и как равноправные члены международного сообщества имеют право полностью и эффективно участвовать в международном процессе принятия решений для урегулирования мировых экономических, финансовых и валютных проблем, среди прочего, через посредство соответствующих международных организаций, в соответствии с их существующими и разрабатываемыми правилами, и справедливо пользоваться вытекающими из этого выгодами»². При этом в организациях с наиболее демократической структурой пленарный орган, как правило, определяет политику организации.

Применительно к формированию органов международных организаций с ограниченным членством речь идет о принципах справедливого географического представительства и равного (паритетного) представительства групп государств с несовпадающими интересами. В самом деле, применение альтернативных принципов «специфических интересов» и «наибольшего финансового вклада» закрепляет неравенство государств, дифференцирует их возможности влиять на участие в международных отношениях в зависимости от уровня их социально-экономического развития, что вступает в определенное противоречие с принципом суверенного равенства.

Попробуем подойти с эгалитарным ооновским эталоном к оценке основных институтов глобального финансового управления.

Дуализм международных финансовых институтов

Природа международных финансовых институтов дуалистична. С одной стороны, такие организации, как, например, МВФ, являются межправительственными организациями, созданными на основе соответствующего многостороннего соглашения (Статьи соглашения)³, подписанного и ратифицированного всеми странами-участницами. Соответственно, в своей деятельности МВФ должен принимать во внимание позицию всех без исключения стран-участниц. Для хотя бы частичного соблюдения принципа суверенного равенства при создании организации каждая страна получила по 250 базовых голосов [Rapkin, Strand, 2006, p. 305–324], которые составили в общей сложности 11,26% от общего количества голосов на момент создания. По мере приема новых членов и расширения капитала доля базовых голосов сократилась до 2,1% в 2006 г. [Bradlow, Hunter, 2010], т.е. около 0,01% на каждую страну-участницу. В таких условиях говорить о представленности интересов наиболее бедных стран с наименьшими квотами в МВФ не приходилось. В рамках поправок в Статьи соглашения, одобренных в 2008 г., доля базовых голосов была установлена на неснижаемом уровне в 5,502% от общего количества голосов. Соответственно, в дальнейшем при расширении капитала

¹ Устав Организации Объединенных Наций. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 17.10.2016).

² Хартия экономических прав и обязанностей государств. Принята Резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 г. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties (дата обращения: 17.10.2016).

³ Articles of Agreement of the International Monetary Fund. Режим доступа: <http://www.imf.org/External/Pubs/FT/AA/> (дата обращения: 17.10.2016).

МВФ, будет увеличиваться номинальное количество базовых голосов при сохранении их доли от общей.

С другой стороны, МВФ представляет собой финансовый институт, который действует как коммерческая финансовая организация, преследуя финансовые цели. Для достижения данных финансовых целей он финансируется развитыми странами, в первую очередь США. При создании организации было признано, что дифференцированные финансовые обязательства будут учтены в рамках системы взвешенного голосования, когда число голосов пропорционально финансовому вкладу.

Для анализа дуалистической природы международных финансовых институтов требуется соответствующая методология. На эту роль подходит *международная политическая экономия* (МПЭ), в фокусе внимания которой находится теоретическое осмысление взаимодействия экономических и политических процессов на международной арене. МПЭ предполагает изучение «динамического взаимодействия в международных отношениях, направленного на преумножение богатства и приращение мощи» (Р. Гилпин) [Gilpin, 2001]; она сосредоточена на «пересечении [изучения] производства и обмена, с одной стороны, и власти — с другой» [Афонцев, 2004, с. 142–163]. МПЭ включает «во-первых, изучение взаимосвязей между властью и богатством и, во-вторых, исследования на границе теории международных отношений и экономической науки» [Frieden, Lake, 2001].

Притом что МПЭ как отдельное направление исследований получила широкое распространение за рубежом уже в 1970-е годы после окончания «славного тридцатилетия» (1940–1970-е годы), краха Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов (1971 г.) и резкого роста мировых цен на нефть (1973–1974 гг.), в отечественной науке, в силу своего междисциплинарного характера (на стыке экономической и политических наук), она не настолько распространена. Если «Журнал международной политической экономии» (*Review of International Political Economy*) издается с 1994 г., то в РФ в рамках данного направления исследований можно отметить труды С.А. Афонцева (ИМЭМО РАН) [Афонцев, 2010], С.Л. Ткаченко (СПбГУ) [Tkachenko, 2004, р. 111–120], а также ряд статей в журнале «Мировая экономика и международные отношения» (ИМЭМО РАН) и статьи по глобальному управлению в экономической сфере в настоящем издании («Вестник международных организаций»).

Это исследование не направлено на то, чтобы оценить экономические механизмы деятельности международных финансовых институтов. Основная его цель — выявление политического влияния отдельных стран в системе глобального финансового управления. И в этом смысле цель действительно близка к основному исследовательскому вопросу МПЭ, сформулированному одним из создателей данной школы Р. Купером: «Как сохранить многочисленные выгоды от обширной сети международных экономических отношений, избавленных от уродующих их ограничений, и в то же время сберечь максимальную степень свободы для каждой нации, которая стремится преследовать свои законные экономические цели?» [Цыганков, 2007, с. 140].

Исследовательская гипотеза статьи состоит в том, что политическое влияние отдельных стран в системе международных финансовых институтов распределяется неравномерно. Поставлена задача выявить, насколько выполняется соблюдение принципов справедливого географического представительства и равного (паритетного) представительства групп государств с несовпадающими интересами в международных финансовых организациях.

При исследовании основных финансовых институтов оценивается, насколько полно в них представлены страны — члены ООН. При анализе институтов и рабочих

органов с ограниченным членством рассматривается вопрос соблюдения принципов справедливого географического представительства и равного (паритетного) представительства групп государств с несовпадающими интересами. Рассматриваются как традиционные институты Бреттон-Вудса (МВФ), так и вновь созданные («Группа двадцати» и Совет по финансовой стабильности).

Политическое влияние в МВФ

МВФ — это межправительственная организация, существующая в форме специализированного учреждения ООН, которая сыграла решающую роль в формировании международной финансовой системы. Вместе с Группой Всемирного банка и ВТО (до 1994 г. — ГАТТ), МВФ во второй половине XX — начале XXI в. составляла институциональную триаду глобального экономического управления [Ревизорский, 2015, с. 33], специализируясь на решении проблем глобальных дисбалансов (дефицитов платежного баланса, обменных курсов, денежно-кредитной политики стран-членов).

Общее количество стран — членов МВФ составляет 188. Такие государства — члены ООН как Куба, КНДР, Андорра, Лихтенштейн, Монако и Науру не входят в МВФ, в то же время с 2009 г. членом МВФ является Косово. Кроме того, особым статусом в рамках МВФ обладают Гонконг и Макао (территории КНР), Ангилья и Монсерат (территории Великобритании), Аруба, Кюрасао, Нидерландские Антильские острова, Синт-Мартен (территории Нидерландов). Данные территории не являются официально членами МВФ, тем не менее фонд поддерживает прямые контакты с данными территориями, ежегодно готовит по ним финансовую статистику⁴.

В отличие от Генеральной Ассамблеи ООН с ее эгалитарным принципом принятия решений («одна страна — один голос»), в МВФ функционирует взвешенный механизм голосования, согласно которому доля стран пропорциональна их квоте в капитале фонда. К базовым голосам страны добавляется по одному голосу за каждые 100 тыс. СДР. При этом формула расчета квоты не прописана в Статьях соглашения, а остается на усмотрение Совета управляющих МВФ, в связи с чем фонд зачастую обвиняют в непрозрачности при расчете квоты [Cooper, Truman, 2007]. В 2008 г. Исполнительный совет МВФ принял следующую формулу расчета квоты (*calculated quota share, CQS*)⁵:

$$CQS = (0,5*Y + 0,3*O + 0,15*V + 0,05*R)^k,$$

где Y — это средневзвешенное за предыдущий трехлетний период между ВВП, подсчитанному по официальному курсу (0,60), и ВВП по паритету покупательской способности (0,4);

O — показатель открытости экономики, который подсчитывается как среднегодовое значение суммы платежей и поступлений по счету текущих операций (товары, услуги, доходы и трансферты) на протяжении пятилетнего периода;

V — изменчивость текущих поступлений и сальдо потоков капитала, которая рассчитывается как стандартное отклонение от среднецентричного трехлетнего тренда на протяжении периода в 13 лет;

⁴ International Financial Statistics. Режим доступа: <http://www.imf.org/en/Data> (дата обращения: 17.10.2016).

⁵ Reform of Quota and Voice in the International Monetary Fund. Report of the Executive Board to the Board of Governors. IMF, 28 March 2008. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2008/032108.pdf> (дата обращения: 17.10.2016).

R – среднее за 12 лет значение объема официальных международных резервов (иностранная валюта, запас СДР, резервная позиция в МВФ и монетарное золото);

k – коэффициент сжатия, который составляет 0,95 [Смыслов, 2012, с. 33–44].

Вместе с тем ряд экспертов выступает за упрощение формулы квоты, считая, что ее основу могли бы составить показатели ВВП по ППС и изменчивости текущих поступлений и сальдо потоков капитала [Truman, 2006].

Развитые страны, представляющие всего 15% членов фонда, имеют около 60% голосов [Peet, 2009] и могут заблокировать любое решение, принимаемое простым большинством. При такой ситуации говорить о равном (паритетном) представительстве групп государств с несовпадающими интересами (богатые VS бедные) не приходится – МВФ отражает позицию преимущественно развитых стран [Bradlow, 2001, р. 9–36]. Более того, поскольку заемщиками крайне редко выступают развитые страны, то они являются технически независимыми от МВФ – они не обязаны отчитываться о своей экономической политике в отличие от развивающихся стран, которые являются основными заемщиками. Для исправления ситуации ряд экспертов предлагает ввести при принятии решений принцип двойного большинства (среди развитых и среди развивающихся стран) [Bradlow, 2001, р. 9–36], либо учредить «Комитет по соблюдению прав стран третьего мира» (Third World Watchdog Committee) [Davison, 1999, р. 20–23].

Для принятия важных решений требуется квалифицированное большинство в 70% голосов и в 85% голосов. 70% голосов необходимо при принятии решений по финансовым и операционным вопросам, в частности, распределения общих резервов⁶. Для принятия наиболее важных решений фонда, в том числе принятия новых членов, увеличения квот, распределения специальных прав заимствования, а также внесения поправок в Статьи соглашения, требуется 85% голосов⁷.

Таким образом, США, имея более 15% голосов, могут единолично заблокировать (ветировать) любое решение, принимаемое квалифицированным большинством в 85%. Для любой серьезной реформы МВФ потребуются изменение Статей соглашения, а также пересмотр квот, что невозможно без получения согласия США. Фактически предварительным условием для проведения серьезной реформы МВФ является снижение квоты США ниже 15% и переход от единоличного принятия решения к коллегиальному [Yueting, 2014]. Для блокирования решений, принимаемых квалифицированным большинством в 70%, США необходимо вступать в коалицию, например, с Японией, ФРГ и Великобританией.

Исполнительный совет МВФ: казусы представительной демократии

Поскольку Совет управляющих МВФ собирается один раз год, основные решения в рамках деятельности МВФ принимаются Исполнительным советом, состоящим с 1992 г. из 24 членов. Так как речь идет о формировании органа с ограниченным членством, интересно выяснить, насколько выполняется принцип справедливого геогра-

⁶ См. Статьи соглашения, в том числе §3 (d) статьи III, параграф 6 (d) статьи XII, §2 статьи XV, §2 (c) статьи XIX, §3 статьи XX, §2 (b) статьи XXVI. Режим доступа: <http://www.imf.org/External/Pubs/FT/AA/> (дата обращения: 17.10.2016).

⁷ См. Статьи соглашения, в том числе §2 (c) статьи III, §2 (c) статьи IV, §4 статьи IV, §7 статьи V, §1 статьи XII, §3 статьи XII, §2 статьи XV, §1 статьи XXIII, §1 (a) статьи XVII. Режим доступа: <http://www.imf.org/External/Pubs/FT/AA/> (дата обращения: 17.10.2016).

фического представительства и равного представительства групп государств с несовпадающими интересами.

Восемь стран с наибольшими квотами, в том числе Российская Федерация, имеют своего исполнительного директора в Исполнительном совете МВФ. Остальные страны, объединенные в 16 групп, назначают своего представителя в Исполнительный совет (см. Приложение, табл. 1).

Первое впечатление, которое может сложиться при анализе географического состава групп, от которых избираются исполнительные директора, что это своего рода *джерримендеринг* (произвольное нарезание избирательных округов) [Таагепера, Шугарт, 1997, с. 114–136], только в рамках мировой политики. Однако, поскольку переход из одной группы в другую является добровольным, то речь идет скорее о *логроллинге*, т.е. попытке стран заработать дополнительные дивиденды, поддержав посредством своей квоты ту или иную группу [Woods, Lombardi, 2006, p. 480–515].

Как правило, большинство членов одной группы имеют одинаковое региональное происхождение, и в этом смысле можно говорить о справедливом географическом представительстве. Однако желание соблюсти принцип «наибольшего финансового вклада» в рамках Исполнительного совета МВФ приводит к тому, что, как правило, исполнительный директор назначается от той страны, которая имеет наибольшую квоту в данном регионе. На сегодняшний день лишь в пяти группах исполнительный директор назначается от страны, квота которой не является наибольшей в рамках данной группы (см. Приложение, табл. П1). Но даже в этом случае он назначается от страны, имеющей вторую по объему квоту, либо его заместитель назначается от страны с крупнейшей квотой (четыре случая из пяти). В этой связи понятна мотивация ряда стран, которые не могут выстроить отношения с региональной державой с наибольшей квотой и уходят в другие группы. Процедура выбора исполнительного директора в Статьях соглашения детально не прописана, поэтому каждая группа следует своей практике. Попытки совместить принципы справедливого географического распределения и «наибольшего финансового вклада» приводят к постепенной эрозии региональных групп.

На сегодняшний день (см. Приложение, табл. П1) из 24 исполнительных директоров 12 представляют развитые страны (среди них 7 – Нидерланды, Испания, Италия, Австрия, Канада и Швеция – делегированы своими группами), а 12 – развивающиеся страны и страны с переходной экономикой. Таким образом, с формальной точки зрения в Исполнительном совете МВФ соблюдается принцип равного представительства групп государств с несовпадающими интересами. В действительности ситуация более сложная. Безусловно, в Исполнительном совете представлены восходящие державы – страны БРИКС (кроме ЮАР), основные региональные державы (Аргентина, Египет, Иран, Малайзия, Саудовская Аравия и Турция). Сложнее с представительством африканских стран, большая часть которых входит в две группы – бывших английских колоний (во главе с Замбией) и бывших французских колоний (во главе с Чадом). Последняя группа – единственная, где исполнительный директор назначен от страны с двенадцатой (!) по объему квотой. Объясняется это устоявшейся практикой ротации между странами, которые совместно входят в валютную зону франка, Западноафриканский экономический и валютный союз (ЮЕМОА) [Дегтерев, 2003], другие субрегиональные группировки, имеющие стратегическое партнерство с Францией.

Казалось бы, что для таких стран, как, например, РФ или Саудовская Аравия, возможность избирать своего исполнительного директора – это безусловное благо, привилегия, которой лишен ряд стран даже с большей квотой (Италия, Канада, Бразилия

и Индия). Однако это не совсем так. Например, Бразилия и Индия, которые стабильно возглавляют свою группу, фактически управляют по 3,06% голосов, аккумулированных в группе, а не только своими голосами. РФ «отсечена» от коалиции стран СНГ, которые присутствуют в группах под руководством Нидерландов (Армения, Молдова, Украина), Швейцарии (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан), Турции (Белоруссия) и даже Австралии (Узбекистан). Аналогично Саудовская Аравия «отсечена» от коалиции Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [Бирюков, 2007], которые присутствуют в группе под руководством Египта.

Возглавляет Исполнительный совет директор-распорядитель МВФ, который традиционно назначается от европейских стран, что, конечно, не соответствует принципу справедливого географического представительства, который соблюдается, например, при выборах генерального секретаря ООН. А ведь это одна из наиболее влиятельных должностей в системе глобального финансового управления [Van Houtven, 2002].

Символические реформы МВФ

Квота развивающихся стран в МВФ со временем постепенно увеличивается. Конгресс США ратифицировал реформу квот (так называемый 14-й пересмотр квот) и систему управления МВФ, утвержденную в 2010 г. Советом управляющих фонда, лишь в декабре 2015 г.⁸ Данная реформа носит «косметический характер» и не меняет по существу соотношения сил при принятии решений в рамках МВФ. Квота стран с развивающимися рынками (прежде всего Китая, Кореи, Индии, Бразилии и Мексики) увеличивается на 6%, и ликвидируется категория назначаемых исполнительных директоров (все директора отныне будут избираться). Однако доля развитых стран все также превышает 50%, а доля США — более 15%. Квота стран БРИКС при голосовании вплотную приблизилась к 15%, но не превысила данный порог (табл. 1). Конечно, у стран БРИКС существует возможность блокироваться, например, с Ираном и Венесуэлой (более 0,7% голосов у каждого).

Вместе с тем в настоящее время все страны БРИКС (кроме ЮАР) вошли в ТОП-10 членов МВФ с наибольшими квотами (вместе с указанной выше пятеркой развитых стран), а КНР заняла третье место в фонде, сразу после США и Японии [Mohan, Karur, 2015].

В конце 2015 г. состоялось и другое важное событие, связанное с изменением глобальной финансовой архитектуры. Исполнительный совет МВФ принял решение о включении с 1 октября 2016 г. китайского юаня в состав корзины валют, составляющих специальные права заимствования⁹. Юань впервые входит в состав корзины валют СДР с долей в 10,92% (табл. 2), что ставит его по данному показателю на третье место после доллара США и евро. По своему весу он сразу же опережает японскую иену и фунт стерлингов.

⁸ Директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард приветствует утверждение Конгрессом США реформ квот и управления 2010 г. Пресс-релиз. № 15/573. МВФ, 18 декабря 2015 г. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/russian/np/sec/pr/2015/pr15573r.pdf> (дата обращения: 18.10.2016).

⁹ Исполнительный совет МВФ завершил пересмотр корзины валют СДР, принял решение о включении китайского юаня. Пресс-релиз. № 15/540(R). МВФ, 30 ноября, 2015 г. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/russian/np/sec/pr/2015/pr15540r.pdf> (дата обращения: 18.10.2016).

Таблица 1. Изменение страновых квот при голосовании в МВФ, %

Страна / Группа	До 2006 г.	После реформы 2008 г.	После реформы 2010 г.
США	17,023	16,718	16,471
Япония	6,108	6,221	6,135
ФРГ	5,968	5,800	5,306
Франция	4,929	4,284	4,022
Великобритания	4,929	4,284	4,022
«Группа семи», всего	45,1	43,0	41,2
Развитые страны, всего	60,6	57,9	55,2
Бразилия	1,402	1,713	2,217
Россия	2,734	2,385	2,586
Индия	1,916	2,336	2,627
Китай (включая КНР, Гонконг и Макао)	2,928	3,803	6,068
Южная Африка	0,867	0,770	0,634
Страны БРИКС, всего	9,847	11,007	14,132

Источник: [IMF, 2011].

Таблица 2. Изменение доли основных мировых валют в корзине СДР, %

Валюта / Период	Доллар США	Евро	Японская иена	Фунт стерлингов	Китайский юань
2001–2005	44	31	14	11	—
2006–2010	44	34	11	11	—
2011–2015	41,9	37,4	9,4	11,3	—
2016–2020	41,73	30,93	8,33	8,09	10,92

Источник: [IMF, 2016].

Несмотря на некоторый прогресс, реформа МВФ и институтов Бреттон-Вудса в целом, включая Группу Всемирного банка, носит явно запоздалый характер. Уже в конце 1990-х годов, после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., в ходе которого МВФ показал свою неспособность оперативно решать глобальные финансовые проблемы, Россия и другие ведущие страны с развивающимися рынками свели свое сотрудничество с данной организацией к минимуму. На фоне благоприятной экономической конъюнктуры начала 2000-х годов они перестали нуждаться в ее займах и кредитах. Это привело к нехватке ресурсов для осуществления текущей деятельности, ведь она финансируется за счет доходов от операций кредитования, объем которых резко сократился [Wroome, 2010, p. 37–54]. МВФ вынужден был сократить около 400 своих сотрудников [Карин, Шорр, 2013, с. 48]. Данные факты стали дополнительным аргументом в пользу повышения многополярности в системе управления международными финансами, которая развивалась по трем основным направлениям.

Во-первых, де-факто часть вопросов, которые традиционно решались на площадке МВФ, стала рассматриваться в рамках других институтов. Так, «Группа двадцати» (G20) постепенно превратилась в главный форум по обсуждению вопросов международных финансов. Был также создан Форум финансовой стабильности (с апреля 2009 г. — Совет по финансовой стабильности, СФС), в работе которого принимают участие представители министерств финансов, центральных банков и регулирующих финансовых органов 24 стран мира.

Во-вторых, страны БРИКС стали создавать альтернативную финансовую архитектуру, в том числе Новый банк развития (Банк развития БРИКС) — альтернатива группе Всемирного банка, Пул условных валют БРИКС — альтернатива МВФ, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций — альтернатива Азиатского банка развития, входящего в группу Всемирного банка [Хейфец, 2015, с. 25–42]. Данный региональный банк дополнил систему альтернативных институтов развития, существовавших ранее, в том числе Евразийского банка развития, а также Андской корпорации развития (последняя является альтернативой Межамериканского банка развития).

В-третьих, по ряду финансовых рынков (например, торговля деривативами), где доминирование англо-саксонских финансовых учреждений было подавляющим, фактически осуществлялся целенаправленный уход из-под межгосударственного регулирования в пользу «саморегулирования» из-за опасения потерять свои сравнительные преимущества [Гудлифф, Сберро, 2013, с. 38]. Данный тренд, правда, был несколько ослаблен в ходе мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., наблюдалось некоторое усиление межгосударственного сотрудничества, правда, не на площадке МВФ (в первую очередь — в рамках «Группы двадцати» и СФС) [Лебедева, 2012, с. 316–329].

Все это привело к формированию в начале XXI в. принципиально новой, распределенной системы глобального финансового управления, ключевыми новыми акторами в которой стали «Группа двадцати» и СФС.

«Группа двадцати»: площадка для поиска компромиссов

В отличие от «Группы семи/восьми», которая после приостановления членства РФ включает лишь четыре европейских государства, два североамериканских и островную Японию (10,44% мирового населения), представляющих наиболее богатые страны мира с подушевым ВНД более 34 тыс. долл. США¹⁰ (из 193 государств — членов ООН к таковым относятся лишь 24), «Группа двадцати» значительно более представительная, а следовательно, более легитимная и эффективная в вопросах глобального финансового регулирования. На входящие в «Группу двадцати» страны приходится 90% мирового ВВП, 80% международной торговли, 2/3 мирового населения. Данный клубный формат объединяет государства, расположенные на всех обитаемых континентах, что свидетельствует о соблюдении принципа справедливого географического представительства в институте с ограниченным членством.

«Группа двадцати» представляет страны с уровнем подушевого ВНД более 1,5 тыс. долл. США¹¹ (130 стран или 2/3 всех стран мира). Зависимость между подушевым уров-

¹⁰ Подушевой номинальный ВНД Италии (беднейшего члена «Группы семи/восьми») в 2014 г., подсчитанный Всемирным банком по Атласному методу, составил 34,270 долл. США. Режим доступа: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD?order=wbapi_data_value_2014+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=desc (дата обращения: 18.10.2016).

¹¹ Подушевой номинальный ВНД Индии (беднейшего члена «Группы двадцати») в 2014 г., подсчитанный Всемирным банком по Атласному методу, составил 1,570 долл. США. Режим доступа:

нем ВНД и позицией государств по вопросам глобальной повестки дня показана нами ранее [Дегтерев, 2013]. Данное обстоятельство обуславливает преимущество «Группы двадцати» перед ООН как более эффективной международной площадки при решении экономических вопросов, традиционно разделяющих богатые и бедные страны. Если в рамках ГА ООН количество стран с низким уровнем душевого ВНД в несколько раз превышает количество стран с высоким уровнем ВНД, то на площадке «Группы двадцати» они представлены сбалансированно. Великие и восходящие державы здесь ведут диалог на равных [Карин, Шорр, 2013, с. 49]. Это свидетельствует о равном (паритетном) представительстве групп государств с несовпадающими интересами, причем даже более равным по сравнению с эталоном (ГА ООН).

Если на первых трех саммитах «Группы двадцати» доминировала антикризисная повестка дня (преимущественно в области финансового регулирования и архитектуры глобальной финансовой системы), то впоследствии она была размыта другими вопросами глобального управления, вплоть до борьбы с терроризмом и коррупцией. В этом смысле «Группа двадцати» повторяет путь «Группы семи», которая также изначально имела дело преимущественно с вопросами монетарной политики, а впоследствии повестка расширилась [Прексин, 2013; Ревизорский, 2015, с. 38]. «Расползание» повестки, ее слабая структурированность представляет способ смягчения разногласий между различными экономиками, несовместимыми в социально-экономическом или культурно-историческом плане [Карин, Шорр, 2013].

СФС и правила для транснациональных банков

В отличие от «Группы двадцати», представляющей механизм клубной дипломатии, на полях которого вырабатывается политический консенсус по наиболее важным аспектам глобального управления, СФС — это постоянно действующий секретариат, в рамках которого технические специалисты, представляющие в том числе негосударственные институты, автономные или квазиавтономные регулирующие агентства (в том числе центральные банки), вырабатывают общие отраслевые стандарты [Мамрова, Кошар, 2014]. В определенном смысле формирование СФС — это отражение более общей тенденции *агентизации* международных экономических переговоров, когда регуляторы финансовых и телекоммуникационных рынков, антимонопольные службы, агентства по безопасности продовольствия и медикаментов непосредственно вовлечены в формирование международных стандартов и правил игры [Дегтерев, 2010, с. 45].

Беспрецедентный уровень интернационализации финансовой деятельности (доля иностранного капитала в банковском секторе ряд стран ЦВЕ превышает 90% [Джагитян, 2015, с. 79]) вкупе с либерализацией национального финансового законодательства и доминированием принципа «саморегулирования» на глобальном уровне не только открыл уникальные возможности для экспансии англосаксонских финансовых структур, но и создал системные риски для ведущих промышленно развитых стран. Угроза финансовой стабильности со стороны наиболее мощных акторов международных финансов (“too-big-to-fall”, TBTF) — крупных банков (global systemically important banks, G-SIBs), страховых компаний (global systemically important insurers, G-SIIs), других глобальных системно значимых финансовых институтов (Global Systemically important

http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD?order=wbapi_data_value_2014+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=desc (дата обращения: 18.10.2016).

financial institutions, G-SIFIs) заставила даже самых рьяных протагонистов свободного рынка начать регулятивное взаимодействие на транснациональном уровне. В этой связи ряд экспертов говорит о формировании новой модели *мегауправления* с глобальным финансовым регулятором в лице СФС, в рамках которого происходит сближение государственных и частных интересов для обеспечения глобальной финансовой стабильности [Джагитян, 2015, с. 85]. Важно понимать, о каких транснациональных финансовых структурах идет речь и какие государства участвуют в создании правил для данных структур.

По количеству и основным показателям системно значимых институтов (выручка, активы и рыночная капитализация) лидируют США, на втором месте — КНР, на третьем — Великобритания, далее следует Франция (табл. 4). За ними идут Япония, Швейцария, ФРГ, а замыкают список Нидерланды, Испания, Италия и Швеция. Притом что финансовые институты из КНР, Франции, ФРГ лидируют по показателям выручки, по рыночной капитализации они существенно уступают банкам и страховым компаниям из англосаксонских стран. Показатели выручки и капитализации не в полной мере отражают роль данных компаний в международной финансовой системе, поскольку масштабы их участия, например, в международной торговле деривативами составляют десятки триллионов долларов США, значительная часть которых находится у них на балансе. В случае финансовых проблем данных организаций (по аналогии с банкротством Lehman Brothers) это создаст системные риски для международных финансов.

Членами СФС стали министерства финансов, центральные банки и финансовые регуляторы всех стран — членов G20, а также мировых офшорных центров — Сингапура и Гонконга (что усилило влияние КНР), Нидерландов и Швейцарии, а также Испании. Банки и страховые компании последних трех стран входят в число системно значимых финансовых институтов, поэтому вполне обосновано их включение в состав членов СФС. Единственной страной, не представленной в организации, но имеющей системно значимый банк, остается Швеция (табл. 4).

Фактически на площадке СФС представители как развитых, так и развивающихся стран (т.е. групп государств с несовпадающими интересами) формируют правила для деятельности транснациональных финансовых институтов, представляющих преимущественно развитые страны (кроме КНР), но оперирующих по всему миру.

Членами СФС стали также международные финансовые институты, в том числе Банк международных расчетов (БМР), МВФ, ВБ и ОЭСР, а также основные стандартустанавливающие организации.

Примечательно, что в рамках организационной структуры СФС выделено шесть региональных консультативных групп: Америка, Азия, СНГ, Европа, Ближний Восток и Северная Африка, Тропическая Африка¹², что свидетельствует о справедливом географическом представительстве при выработке решений. Выделение стран постсоветского пространства в отдельную группу свидетельствует об усилении влияния РФ и стран постсоветского пространства в системе глобального финансового управления. В настоящий момент региональную группу СНГ возглавляют заместитель министра финансов РФ С. Сторчак и глава Национального банка Республики Казахстан О. Смоляков.

¹² Financial Stability Board. Organizational Chart. Режим доступа: <http://www.fsb.org/wp-content/uploads/FSB-Organisation-Chart-as-of-21-Apr-2015.pdf> (дата обращения: 18.10.2016).

Таблица 4. Страновое распределение глобальных системно значимых финансовых институтов (G-SIFIs)

Страна	Глобальные банки	Выручка в 2014 г., млрд долл. США	Активы в 2014 г., млрд долл. США	Капитализация в 2014 г., млрд долл. США	Глобальные страховые компании	Выручка в 2014 г., млрд долл. США	Активы в 2014 г., млрд долл. США	Капитализация в 2014 г., млрд долл. США
США	JP Morgan Chase	97,8	2593,6	225,5	MetLife, Inc.	70,5	902,3	57,3
	Bank of America	97	2114,1	163,2	American International Group, Inc.	67,5	515,6	75
	Citigroup	93,9	1846	156,7	Prudential Financial, Inc.	58,5	766,7	36,4
	Wells Fargo	90,4	1701,4	278,3	ИТОГО	196,5	2184,6	168,7
	Goldman Sachs	40,1	856,2	86,5				
	Morgan Stanley	39	803,1	70,8				
	Bank of New York Mellon	15,1	385,3	45,1				
	State Street	10,1	274,1	30,8				
	ИТОГО	483,4	10573,8	1056,9				
КНР	Industrial and Commercial Bank of China Limited	166,8	3322	278,3	Ping An Insurance (Group) Company of China, Ltd.	75,3	645,7	113,8
	China Construction Bank	130,5	2698,9	212,9				
	Agricultural Bank of China	129,2	2574,8	189,9				
	Bank of China	120,3	2458,3	199,1				
	ИТОГО	546,8	11054	880,2				
Велико- британия	HSBC	81,1	2634,1	167,7	Prudential plc	99	564,5	64,5
	Barclays	53	2117,3	63,7	Aviva plc	51,1	463,9	24,5
	Royal Bank of Scotland	35,6	1638,4	60,2	ИТОГО	150,1	1028,4	89
	Standard Chartered	24,8	725,9	39,8				
	ИТОГО	194,5	7115,7	331,4				

Страна	Глобальные банки	Выручка в 2014 г., млрд долл. США	Активы в 2014 г., млрд долл. США	Капитализация в 2014 г., млрд долл. США	Глобальные страховые компании	Выручка в 2014 г., млрд долл. США	Активы в 2014 г., млрд долл. США	Капитализация в 2014 г., млрд долл. США
Франция	BNP Paribas	124,5	2514,2	78,4	AXA	153,8	1016,6	64,2
	Groupe Cr�dit Agricole	48,5	1922,9	40				
	Soci�t� G�n�rale	54,2	1583	40,7				
	Groupe BPCE*	28,32	883,2	28				
	ИТОГО	255,52	6903,3	187,1				
Япония	Mitsubishi UFJ FG	49,2	2328,5	90,9				
	Mizuho FG	27	1634,7	43,6				
	Sumitomo Mitsui FG	34,8	1465,4	54,8				
	ИТОГО	111	5428,6	189,3				
Швейцария	UBS	39,8	1069,3	74,7				
	Credit Suisse	38,4	927,4	44,4				
	ИТОГО	78,2	1996,7	119				
ФРГ	Deutsche Bank	56,4	2067,6	49,7	Allianz S.E.	128,4	979	82
Нидерланды	ING Bank*	57,6	1191,6	42,75	Aegon N.V.	54,3	502,5	17,5
Испания	Santander	56,4	1532,3	109,4				
Италия	Unicredit Group	30,5	1021,5	41,3				
Швеция	Nordea	20,8	809,9	50,8				

Источники: составлено автором с использованием:

- 1) 2015 update of list of global systemically important insurers (G-SIIs). Financial Stability Board, 3 November, 2015. Режим доступа: <http://www.fsb.org/wp-content/uploads/FSB-communication-G-SIIs-Final-version.pdf> (дата обращения: 18.10.2016).
- 2) 2015 update of list of global systemically important banks (G-SIBs). Financial Stability Board, 3 November, 2015. Режим доступа: <http://www.fsb.org/wp-content/uploads/2015-update-of-list-of-global-systemically-important-banks-G-SIBs.pdf> (дата обращения: 18.10.2016).
- 3) Forbes 2015 Global 2000. The World's Biggest Public Companies. Режим доступа: <http://www.forbes.com/global2000> (дата обращения: 18.10.2016).

* Данные по Группе BPCE (Франция) и ING Bank (Нидерланды) подсчитаны на основе годовых отчетов компаний.

Иерархия институтов международного финансового регулирования

К 2010 г. в целом сформировалась новая система взаимосвязанных институтов глобального финансового управления, характеризующаяся переходом от иерархии к сетевому взаимодействию и распределению функций между традиционными и новыми акторами [Ревизорский, 2015, с. 32; Худякова, 2013]. Ряд экспертов в этой связи даже говорит о чрезмерном рассеивании экономической власти в рамках международной системы [Гудлифф, Сберро, 2013, с. 31].

Для оценки распределения влияния в системе международного финансового регулирования целесообразно провести анализ 1) в разрезе основных функций, выполняемых отдельными глобальными финансовыми институтами; 2) в контексте репрезентативности финансовых институтов (представленности в них тех или иных стран мира) с выделением ядра и периферии глобального финансового регулирования.

В зависимости от выполняемых функций основные глобальные финансовые институты можно разделить на несколько уровней (рис. 1).

Рис. 1. Институты межгосударственного финансового регулирования

Источник: [Худякова, 2013, с. 4].

На первом уровне находятся ОЭСР, институты Бреттон-Вудса (МВФ и Группа Всемирного банка), а также «Группа двадцати». На площадке ОЭСР ведущие развитые страны вырабатывают современные стандарты финансового регулирования. «Группа двадцати» играет роль центра координации принятия стратегических решений, которые ретранслируются через СФС на уровень стандартоустанавливающих организаций (институтов международной стандартизации — *standard-setting bodies, SSB*) — Базельского комитета по банковскому надзору БМР (*Committee on Banking Supervision of the Bank for international Settlements*), Международной ассоциации страховых надзоров (*International Association of Insurance Supervisors, IAIS*), Комитета по международным стандартам

аудита и подтверждения достоверности информации (*International Auditing and Assurance Standards Board, IAASB*) в рамках Международной федерации бухгалтеров, Совета по МСФО (*International Accounting Standards Board, IASB*), Международной организации комиссий по ценным бумагам (*International Organization of Securities Commissions, IOSCO*) и др. [Худякова, 2013]. Первые три стандартоустанавливающие организации имеют штаб-квартиры в Швейцарии, Совет по МСФО – в Великобритании и отделение в Японии, а последняя организация – в Испании. Национальная принадлежность штаб-квартир в определенной степени свидетельствует о роли данных стран в системе глобального финансового управления. В частности, появляется еще один аргумент о справедливости включения Испании в состав членов СФС.

Характеризуя представленность стран в институтах глобального управления, в качестве ядра системы глобального финансового регулирования стоит отметить страны «Группы семи» и Швейцарию, между центральными банками которых подписано соглашение о внешних валютных своп-линиях (ЦБ-6), при этом европейские страны «Группы семи» представлены в нем Европейским центральным банком. Страны БРИКС формируют альтернативное ядро системы глобального финансового регулирования, при этом оба ядра входят в состав «Группы двадцати» и СФС (рис. 2).

Рис. 2. Репрезентативность институтов глобального финансового управления

Источник: составлено автором.

Финансовое ядро на основе стран «Группы семи» неоднородно. С одной стороны, в рамках него существуют противоречия между англосаксонскими странами «свободного рынка» и континентальными европейскими социал-демократическими государствами во главе с ФРГ [Гудлифф, Сберро, 2013, с. 38]. Первые выступают за концепцию *экстерриториального капитализма* и абсолютную мобильность капитала как фактора производства, способствуя тем самым перетоку средств в офшорные юрисдикции и налоговые гавани. Вторые, желая сохранить высокие социальные стандарты, хотят ограничить волатильность финансовых рынков, например, посредством ввода налога Тобина на финансовые транзакции и изменения правил ведения биржевой торговли [Мамрова, Кошар, 2014, с. 82]. С другой стороны, профицитные экономики ЕС во главе с ФРГ имеют другие подходы к денежно-кредитной политике, нежели страны PIIGS во главе с Италией.

В период международного финансового экономического и валютного кризиса центральные банки ведущих стран мира прибегали к массовой денежной эмиссии (QE). Это привело к угрозе возникновения ценовых войн, в том числе между странами самого ядра международной финансовой системы [Столбов, Дегтерев, 2011; Moschella, 2015].

Для координации денежной эмиссии и обеспечения ликвидности мировой финансовой системы с декабря 2011 г. по февраль 2013 г. на временной основе, а с октября 2013 г. на постоянной основе была запущена система соглашений о взаимном обмене валют по фиксированным курсам между центральными банками США, ЕС, Великобритании, Швейцарии, Японии и Канады. Фактически создан международный валютный пул или картель, в рамках которого кристаллизуется ядро международной финансовой системы (рис. 2).

Однако взаимоотношения в рамках данной сети несимметричны. На самом деле ФРС в одностороннем порядке обеспечивает стабильность курсов валют «шестерки», гарантируя обмен их валют на доллары по фиксированному курсу. В терминах сетевого анализа [Дегтерев, 2015] речь идет о формировании связанной подгруппы (cohesive subgroup) международных финансов типа «звезда» (рис. 3). Связанная подгруппа – это элементы сети, имеющие большее число связей между входящими в них участниками, чем между остальными участниками сети. В связанной подгруппе типа «звезда» существует центральный элемент в сети (ФРС), с которым связаны все остальные.

Рис. 3. Структура сети внешних валютных своп-линий между центральными банками шести ведущих стран мира (ЦБ-6)

Источник: составлено автором.

Характеризуя ядро международной финансовой системы, необходимо отметить и восемь стран, которые имеют своих исполнительных директоров в Исполнительном совете МВФ. Среди них пять членов «Группы семи» (США, Япония, ФРГ, Франция, Великобритания), два члена БРИКС (РФ и КНР), а также Саудовская Аравия.

Страны «Группы семи» также формируют ядро и для ОЭСР – клуба промышленно развитых стран. Все страны – члены «Группы двадцати» и страны ОЭСР входят в следующий «контур» глобального финансового регулирования – БМР. Примечательно, что членами БМР, не входящими в ОЭСР, являются следующие группы стран:

- недавно вступившие или в процессе вступления в ЕС – Босния и Герцеговина, Болгария, Румыния, Хорватия, Латвия, Литва, Македония и Сербия;
- страны БРИКС и Гонконг;

- страны Ближнего Востока и Северной Африки – Саудовская Аравия, ОАЭ, Алжир;
- страны Латинской Америки – Аргентина, Колумбия, Перу;
- страны ЮВА – Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд.

Первая группа стран представляет собой периферийные страны – члены ЕС и ассоциированные члены ЕС, в обозримой перспективе они могут присоединиться к ОЭСР. Страны трех последних групп в будущем могут выбрать несколько иную модель финансовой глобализации, усилив альтернативное ядро финансового управления, представленное БРИКС. Ряд экспертов в этой связи говорит о необходимости формирования Банка международных расчетов БРИКС [Хейфец, 2015, с. 33–37].

Приведенный анализ в целом соответствует мир-системной парадигме И. Валлерстайна с выделением центра («Группа двадцати» и ОЭСР), полупериферии (БМР, кроме ОЭСР и «Группы двадцати») и периферии (остальные страны – члены МВФ) международной финансовой системы. При этом он более точно отражает реалии глобального финансового управления, нежели простое выделение «Группы двадцати» и «маргинального большинства» в лице «Группы 172» («Группы 173») [Пэйн, 2014, с. 18].

В число стран финансового центра из постсоветского пространства входит Российская Федерация, к финансовой полупериферии можно отнести страны Балтии.

Роль технической элиты

В рамках уже упоминавшейся концепции агентизации международных экономических переговоров происходит регулярное взаимодействие как международных чиновников, так и представителей национальных регулирующих агентств (центральных банков, министерств финансов и др.), представителей крупного бизнеса, в результате чего формируются единые стандарты и подходы к регулированию международных финансов.

Важную роль в данном процессе играют специализированные аналитические центры, играющие роль отраслевых лобби, например «Группа тридцати» [Tsingou, 2015] или Институт международных финансов [Lall, 2014, p. 10–11].

Интересную разновидность теории исторического институционализма предлагает Р. Лалл, выдвигающий тезис о *сети технической элиты* (*technical elite network*) [Lall, 2014, p. 4]. Согласно его точке зрения, международные финансы – это сфера, где доминируют технократы, узкопрофильные специалисты. Многие из них работают в международных банках, впоследствии переходят в государственный сектор и в академическую среду, международные организации, распространяя свои подходы к регулированию международных финансов. Таким образом, стандарты вырабатываются в рамках очень узкого, высокопрофессионального сообщества экспертов, как правило, хорошо знакомых друг с другом.

В этой связи особый интерес представляет понимание тех интересов, ценностей, подходов, которые доминируют в данной среде. Во многом это определяется образованием, полученным данными экспертами. Анализ показывает, что большинство экспертов МВФ, например, представляющих разные территориальные департаменты, имеют американское экономическое или финансовое образование (рис. 4), причем больше всего среди них выпускников Чикагского университета (рис. 5). По мнению автора исследования [Nelson, 2014], именно данные факты обуславливают ультралиберальные подходы, доминирующие в деятельности МВФ.

Рис. 4. Доля выпускников американских вузов среди сотрудников территориальных департаментов МВФ

Источник: [Nelson, 2014, p. 310].

Рис. 5. Американские вузы, которые заканчивали сотрудники МВФ

Источник: [Nelson, 2014, p. 310].

Аргументом в поддержку теории о сети технической элиты является тот факт, что участники пленарных сессий СФС выступают также в качестве участников встреч «Группы двадцати» на уровне заместителей министров финансов и руководителей центральных банков, они же, как правило, составляют коммюнике министров финансов и лидеров «Группы двадцати» [Мамрова, Кошар, 2014, с. 77–78].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что говорить о суверенном равенстве государств в системе международного финансового управления практически не приходится. Таким образом, в целом подтвердилась наша исследовательская гипотеза. Выделяется ярко выраженное ядро международной финансовой системы и так называемое маргинальное большинство. В отличие от МВФ, где принцип равного (паритетного) представительства групп государств с несовпадающими интересами соблюдается лишь частично, во вновь созданных глобальных финансовых институтах («Группа двадцати» и СФС) решения принимаются действительно на компромиссной основе между представителями развитых, развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Литература

- Афонцев С.А. (2004) Экономическое измерение мировой политики // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение. С. 142–163.
- Афонцев С.А. (2010) Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига.
- Бирюков Е.С. (2007) Страны ССГАПЗ на мировом рынке финансовых услуг. М.: Экономика.
- Гудлифф Г., Сберро Ст. (2013) «Группа двадцати» после саммита в Лос-Кабосе: иллюзии глобального экономического управления // Вестник международных организаций. № 3. С. 31–45. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2013-8-3/96264855.html> (дата обращения: 18.10.2016).
- Дегтерев Д.А. (2003) Западноафриканская «восьмерка» набирает обороты // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 28–31.
- Дегтерев Д.А. (2010) Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. М.: Навона, МГИМО.
- Дегтерев Д.А. (2013) Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности // Вестник международных организаций. № 2 (41). С. 69–85. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2013--2/88619691.html> (дата обращения: 18.10.2016).
- Дегтерев Д.А. (2015) Сетевой анализ международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. № 4. С. 119–138.
- Джагитян Э.П. (2015) Совет по финансовой стабильности: на пути к институционализации? // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 78–90.
- Карин Б., Шорр Д. (2013) «Группа двадцати» как двигатель прогресса // Вестник международных организаций. № 3. С. 46–60. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2013--3/96399470.html> (дата обращения: 18.10.2016).
- Лебедева М.М. (ред.) (2012) Метаморфозы мировой политики: коллективн. монография. М.: МГИМО-Университет.
- Мамрова И.Ю., Кошар С. (2014) Финансовое регулирование «Группы двадцати»: от межгосударственной координации к наднациональной // Вестник международных организаций. № 1. С. 71–87. Режим доступа: https://iorj.hse.ru/data/2014/03/26/1318777534/Страницы%20из%20Вестник_2014_1_для_типогр-4.pdf (дата обращения: 18.10.2016).

- Прексин О.М. (2013) На пути к саммиту в Стрельне: финансовая тематика в повестке «Группы двадцати» // Вестник Финансового университета. № 3 (75). С. 28–40.
- Пэйн Э. (2014) Управление глобальным кризисом: почему был создан саммит «Группы двадцати» и для каких целей он нам до сих пор нужен? // Вестник международных организаций. № 4. С. 11–20. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2014-9-4/140030018.html> (дата обращения: 18.10.2016).
- Ревизорский М. (2015) «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? // Вестник международных организаций. № 4. С. 29–45. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2015-10-4/170084358.html> (дата обращения: 18.10.2016).
- Смыслов Д.В. (2012) Реформирование Международного валютного фонда: проблемы и решения. Регулятивные аспекты // Деньги и кредит. № 2. С. 33–44.
- Столбов М.И., Дегтерев Д.А. (2011) Сценарии развития международной финансовой системы // Международные процессы. № 1. С. 15–24.
- Таагепера Р., Шугарт М.С. (1997) Описание избирательных систем // Полис. Политические исследования. № 3. С. 114–136.
- Хейфец Б.А. (2015) Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. № 8. С. 25–42.
- Худякова Л.С. (2013) Посткризисное финансовое регулирование на межгосударственном уровне // Мировая экономика и международные отношения. № 1. С. 3–14.
- Цыганков П.А. (2007) Теория международных отношений: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гарда-рики.
- Bradlow D. (2001) Stuffing New Wine into Old Bottles: The Troubling Case of the IMF // Journal of International Banking Regulation. Vol. 3 (1). P. 9–36.
- Bradlow D., Hunter D. (eds) (2010) International Financial Institutions and International Law. Kluwer Law International.
- Broome A. (2010) The International Monetary Fund, Crisis Management and the Credit Crunch // Australian Journal of International Affairs. Vol. 64 (01). P. 37–54.
- Cooper R., Truman E. (2007) The IMF Quota Formula: Linchpin of Fund Reform. Policy Briefs in International Economics, 07-1, February. Peterson Institute for International Economics.
- Davison B. (1999) IMF / World Bank Wreak Havoc on Third World // 50 Years Is Enough: The Case Against The World Bank and The International Monetary Fund / K. Danaher (ed.). South End Press. P. 20–23.
- Frieden J., Lake D.A. (2001) International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth, 4th ed. Routledge.
- Gilpin R. (2001) Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton University Press.
- IMF (2011) Quota and Voting Shares Before and After Implementation of Reforms Agreed in 2008 and 2010. Режим доступа: https://www.imf.org/external/np/sec/pr/2011/pdfs/quota_tbl.pdf (дата обращения: 18.10.2016).
- IMF (2016) Currency Amounts in New Special Drawing Rights (SDR) Basket. IMF. Режим доступа: https://www.imf.org/external/np/fin/data/rms_sdrv.aspx (дата обращения: 18.10.2016).
- Lall R. (2014) The Distributional Consequences of International Finance: An Analysis of Regulatory Influence. The Global Economic Governance Programme. University of Oxford. GEG Working Paper 2014/90.
- Mohan R., Kapur M. (2015) Emerging Powers and Global Governance: Whither the IMF? IMF Working Paper. WP/15/219. October.
- Moschella M. (2015) Currency Wars in the Advanced World: Resisting Appreciation at a Time of Change in Central Banking Monetary Consensus // Review of International Political Economy. Vol. 22 (01). P. 134–161.
- Nelson St. (2014) Playing Favorites: How Shared Beliefs Shape the IMF's Lending Decisions // International Organization. Vol. 68 (0). P. 297–328.
- Peet R. (2009) Unholy Trinity: The IMF, World Bank and WTO. 2nd ed. Zed Books.

Rapkin D., Strand J. (2006) Reforming the IMF's Weighted Voting System // *The World Economy*. Vol. 29 (03). P. 305–324.

Tkachenko S.L. (2004) The Study of International Political Economy in Russia // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 37. P. 111–120.

Truman E. (2006) Reforming the IMF for the XXIst Century. Special Report. Peterson Institute.

Tsingou E. (2015) Club Governance and the Making of Global Financial Rules // *Review of International Political Economy*. Vol. 22 (02). P. 225–256.

Van Houtven L. (2002) Governance of the IMF: Decision Making, Institutional Oversight, Transparency, and Accountability. Pamphlet Series, no. 53. International Monetary Fund.

Woods N. (1999) Good Governance in International Organizations // *Global Governance*. Vol. 1 (5). P. 39–61.

Woods N., Lombardi D. (2006) Uneven Patterns of Governance: How Developing Countries Are Represented in the IMF // *Review of International Political Economy*. Vol. 13 (03). P. 480–515.

Yueting Jiang (2014) Bloc Voting – A New Voting System for the International Monetary Fund. Law Faculty, University of Kansas. Режим доступа: <https://kuscholarworks.ku.edu/handle/1808/14199> (дата обращения: 18.10.2016).

Приложение

Таблица П1. Состав Исполнительного совета МВФ

Страна, от которой избран исполнительный директор и его заместители	Страны, от которых выдвинут директор (в порядке убывания квот)	Количество голосов страны	Количество голосов группы стран	Квота, %
США	США	831,402	831,402	16,58
Япония	Япония	309,665	309,665	6,17
КНР	КНР	306,289	306,289	6,11
ФРГ	Германия	267,804	267,804	5,34
Франция	Франция	203,011	203,011	4,05
Великобритания	Великобритания	203,011	203,011	4,05
РФ	РФ	130,497	130,497	2,60
Саудовская Аравия	Саудовская Аравия	101,386	101,386	2,02
Нидерланды Бельгия Украина	Нидерланды	88,825	272,983	5,44
	Бельгия	65,567		
	Украина	21,578		
	Израиль	20,669		
	Румыния	19,574		
	Люксембург	14,678		
	Болгария	10,423		
	Хорватия	8,634		
	Кипр	4,498		
	Босния и Герцеговина	4,112		
	Грузия	3,564		
	Молдова	3,185		
	Македония	2,863		
	Армения	2,748		
	Черногория	2,065		
Испания Мексика Колумбия	Испания	96,815	267,184	5,33
	Мексика	90,587		
	Венесуэла	38,687		
	Колумбия	21,905		
	Гватемала	5,746		
	Коста-Рика	5,154		
	Эль-Сальвадор	4,332		
	Гондурас	3,958		
Малайзия Таиланд	Индонезия	47,944	218,480	4,36
	Сингапур	40,379		
	Малайзия	37,798		
	Таиланд	33,579		
	Филиппины	21,889		
	Вьетнам	12,991		
	Мьянма	6,628		
	Бруней	4,473		
	Камбоджа	3,210		

Страна, от которой избран исполнительный директор и его заместители	Страны, от которых выдвинут директор (в порядке убывания квот)	Количество голосов страны	Количество голосов группы стран	Квота, %
	Непал	3,029		
	Лаос	2,518		
	Фиджи	2,444		
	Тонга	1,598		
Италия Греция	Италия	152,160	207,918	4,15
	Греция	25,749		
	Португалия	22,061		
	Мальта	3,143		
	Албания	2,853		
	Сан-Марино	1,952		
Австралия Новая Зеландия Республика Корея	Республика Корея	87,287	194,558	3,88
	Австралия	67,184		
	Новая Зеландия	13,981		
	Узбекистан	6,972		
	Папуа – Новая Гвинея	2,776		
	Монголия	2,183		
	Вануату	1,698		
	Сейшелы	1,689		
	Соломоновы острова	1,668		
	Самоа	1,622		
	Кирибати	1,516		
	Микронезия	1,511		
	Маршалловы острова	1,495		
	Палау	1,491		
	Тувалу	1,485		
Канада Ирландия	Канада	111,699	170,058	3,39
	Ирландия	35,959		
	Ямайка	5,289		
	Багамы	3,284		
	Барбадос	2,405		
	Белиз	1,727		
	Сент-Люсия	1,674		
	Антигуа и Барбуда	1,660		
	Гренада	1,624		
	Сен-Китс и Невис	1,585		
	Сен-Винсент и Гренадины	1,577		
	Доминика	1,575		
Швеция Финляндия	Швеция	45,760	165,420	3,30
	Норвегия	39,007		
	Дания	35,854		
	Финляндия	25,566		
	Литва	5,876		
	Латвия	4,783		
	Исландия	4,678		
	Эстония	3,896		

Страна, от которой избран исполнительный директор и его заместители	Страны, от которых выдвинут директор (в порядке убывания квот)	Количество голосов страны	Количество голосов группы стран	Квота, %
Турция Австрия Венгрия	Турция	48,046	162,304	3,24
	Австрия	40,780		
	Чехия	23,262		
	Венгрия	20,860		
	Словакия	11,470		
	Белоруссия	8,275		
	Словения	7,325		
	Косово	2,286		
Индия Шри-Ланка	Индия	132,604	153,642	3,06
	Бангладеш	12,126		
	Шри-Ланка	7,248		
	Бутан	1,664		
Бразилия Бразилия Бразилия	Бразилия	111,880	153,591	3,06
	Эквадор	8,437		
	Доминиканская Республика	6,234		
	Тринидад и Тобаго	6,158		
	Панама	5,228		
	Никарагуа	4,060		
	Гайана	3,278		
	Суринам	2,749		
	Гаити	2,279		
	Восточный Тимор	1,716		
	Кабо Верде	1,572		
Замбия Малави ЮАР	ЮАР	31,972	149,515	2,98
	Нигерия	26,005		
	Замбия	11,242		
	Ангола	8,861		
	Зимбабве	8,528		
	Кения	6,888		
	Танзания	5,438		
	Уганда	5,070		
	Эфиопия	4,467		
	Либерия	4,044		
	Южный Судан	3,920		
	Мозамбик	3,732		
	Сьерра-Леоне	3,534		
	Ботсвана	3,432		
	Намибия	3,371		
	Судан	3,157		
	Бурунди	3,000		
	Малави	2,848		
	Свазиленд	2,245		
	Лесото	2,158		
	Гамбия	2,082		
	Сомали	1,902		
	Эритрея	1,619		

Страна, от которой избран исполнительный директор и его заместители	Страны, от которых выдвинут директор (в порядке убывания квот)	Количество голосов страны	Количество голосов группы стран	Квота, %
Египет Ливан	ОАЭ	24,572	148,697	2,96
	Египет	21,831		
	Кувейт	20,795		
	Ирак	18,098		
	Ливия	17,192		
	Катар	8,811		
	Ливан	7,795		
	Оман	6,904		
	Йемен	6,330		
	Бахрейн	5,410		
	Иордания	4,891		
	Сирия	4,396		
	Мальдивы	1,672		
Швейцария Польша	Швейцария	59,171	137,408	2,74
	Польша	42,414		
	Казахстан	13,044		
	Сербия	8,008		
	Азербайджан	5,377		
	Туркменистан	3,846		
	Таджикистан	3,200		
	Киргизия	2,348		
Иран Марокко	Иран	37,131	110,814	2,21
	Пакистан	21,770		
	Алжир	21,059		
	Марокко	10,404		
	Гана	8,840		
	Тунис	6,912		
	Афганистан	4,698		
Чад Гвинея Мавритания	Демократическая Республика Конго	12,120	79,533	1,59
	Кот д'Ивуар	7,964		
	Сенегал	4,696		
	Камерун	4,220		
	Габон	3,620		
	Гвинея	3,602		
	Мали	3,326		
	Руанда	3,062		
	Экваториальная Гвинея	3,035		
	Того	2,928		
	Маврикий	2,882		
	Чад	2,862		
	Нигер	2,776		
	Мавритания	2,748		
	Бенин	2,698		

Страна, от которой избран исполнительный директор и его заместители	Страны, от которых выдвинут директор (в порядке убывания квот)	Количество голосов страны	Количество голосов группы стран	Квота, %
	Мадагаскар	2,682		
	Буркина Фасо	2,664		
	ЦАР	2,574		
	Республика Конго	2,306		
	Джибути	1,778		
	Гвинея-Биссау	1,744		
	Коморы	1,638		
	Сан-Томе и Принсипи	1,608		
Аргентина Перу	Аргентина	22,631	68,739	1,37
	Чили	18,903		
	Перу	14,805		
	Уругвай	5,751		
	Парагвай	3,474		
	Боливия	3,175		

Источник: составлено автором на основе данных МВФ¹³.

¹³ IMF Executive Directors and Voting Power, IMF, 2016. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/sec/memdir/eds.aspx> (дата обращения: 18.10.2016).

The Political Influence in the International Financial System

D. Degterev

Denis Degterev – PhD, Head, Department of Theory and History of International Relations, RUDN-University, 6 Mikhluho-Maklaya Street, 117198 Moscow, Russian Federation; Associate Professor, Department of World Economy, MGIMO; 76 Vernadskogo Avenue, 119154 Moscow, Russian Federation; E-mail: degterev@mgimo.ru; Degterev_da@pfur.ru

Abstract

This article assesses the impact of sovereign countries in global financial governance. It uses the methodology of international political economy that studies the interaction between political and economic processes in the international arena. It shows the dualistic nature of international financial institutions, which, on the one hand, represent intergovernmental organizations and, on the other hand, are financial institutions with financial goals. The author investigates the principles of sovereign equality, equitable geographical representation and equal (parity) representation of groups of countries with distinct interests in the International Monetary Fund (IMF), Group of 20 (G20) and Financial Stability Board (FSB). The IMF's decision-making mechanism is shown in detail, including its executive board and the recent redistribution of quotas among member states, with special attention on the formula for calculating quotas, its criticism and possible reform. The article shows the major causes of reducing the impact of the IMF and the formation of a new, globally distributed system of financial governance.

The article shows the hierarchy (by function as well as by country representativeness) of the system of global financial governance, established by 2010. It discusses the leadership of countries according to quantity and to key indicators (revenues, assets and market capitalization) of global systemically important financial institutions (banks and insurance company). Based on countries' membership in the G7 and the G20, the FSB, IMF, Organisation for Economic Co-operation and Development, and Bank for International Settlements countries are designated as at the core, semi-periphery or periphery of the international financial system in the context of the world systems theory. The influence of the technical elite, prevailing in the international financial sector, as well as the qualitative composition (education) of its members are revealed. The article concludes that there is significant polarization in the international financial system (core and the so-called marginal majority). Unlike the IMF, the newly created global financial institutions of the G20 and FSB fully comply with the principles of equitable geographical representation and parity representation of states with distinct interests.

Key words: international financial institutions; global governance; international political economy; political influence; voice and vote reform; International Monetary Fund (IMF); Financial Stability Board (FSB); Group of 20 (G20)

References

- Afontsev S.A. (2004) Jekonomicheskoe izmerenie mirovoj politiki [The economic dimension of world politics]. *Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika* (ed. A.V. Torkunov). Moscow: Prosveshhenie. P. 142–163. (In Russian.)
- Afontsev S.A. (2010) Politicheskie rynki i jekonomicheskaja politika [*Political Markets and Economic Policies*]. Moscow: KomKniga. (In Russian.)
- Birjukov E.S. (2007) Strany SSGAPZ na mirovom rynke finansovyh uslug [*The GGC Countries at the Global Financial Services Market*]. Moscow: Jekonomika. (In Russian.)
- Bradlow D. (2001) Stuffing New Wine into Old Bottles: The Troubling Case of the IMF. *Journal of International Banking Regulation*, vol. 3 (1), pp. 9–36.
- Bradlow D., Hunter D. (eds.) (2010) *International Financial Institutions and International Law*. Kluwer Law International.
- Broome A. (2010) The International Monetary Fund, Crisis Management and the Credit Crunch. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 64 (01), pp. 37–54.

- Carin B., Shorr D. (2013) “Gruppa dvadtsati” kak dvigatel’ progressa [The G-20 as a Lever for Progress]. *International Organisations Research Journal*, no 3. Available at: <https://iorj.hse.ru/en/2013-8-3/96399470.html>. (accessed 18 October 2016). (In Russian.)
- Cooper R., Truman E. (2007) *The IMF Quota Formula: Linchpin of Fund Reform*. Policy Briefs in International Economics, 07-1, February. Peterson Institute for International Economics.
- Cygankov P.A. (2007) Teorija mezhdunarodnyh otnoshenij [Theory of International Relations]. Moscow: Gardariki. (In Russian.)
- Davison B. (1999) IMF /World Bank Wreak Havoc on Third World. *50 Years Is Enough: The Case Against The World Bank and The International Monetary Fund* (ed. K. Danaher). South End Press. P. 20–23.
- Degterev D.A. (2003) Zapadnoafrikanskaja “vos’merka” nabiraet oboroty [West African Eight Countries of UEMOA are Gaining Momentum]. *Azija i Afrika segodnja*, no 12, pp. 28–31. (In Russian.)
- Degterev D.A. (2010) Jekonomicheskaja diplomatija: jekonomika, politika, parvo [Economic diplomacy: economics, politics, law]. Moscow: Navona, MGIMO. (In Russian.)
- Degterev D.A. (2015) Setevoj analiz mezhdunarodnyh otnoshenij. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija*, no 4, pp. 119–138. (In Russian.)
- Degtyarev D. A. (2013) Rossijskaja Federacija kak novyi mezhdunarodnyi donor: dilemmy identichnosti [Russian Federation as a New International Donor: Identity’s Dilemmas]. *International Organisations Research Journal*, no 2. Available at: <https://iorj.hse.ru/en/2013-8-2/88619691.html> (accessed 18 October 2016). (In Russian.)
- Dzhagitjan Je.P. (2015) Sovet po finansovoj stabil’nosti: na puti k institucionalizacii? [Financial Stability Board: Is Its Institutionalization a Reality?]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, no 11, pp. 78–90. (In Russian.)
- Frieden J., Lake D.A. (2001) *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*, 4th Edition. Routledge.
- Gilpin R. (2001) *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton University Press.
- Goodliffe G., Sberro St. (2013) “Gruppa dvadtsati” posle sammita v Los-Kabose: illiuzii global’nogo jekonomicheskogo upravlenija [The G20 after Los Cabos: Illusions of Global Economic Governance]. *International Organisations Research Journal*, no 3. Available at: <https://iorj.hse.ru/2013-8-3/96264855.html> (accessed 18 October 2016). (In Russian.)
- Hejfec B.A. (2015) Perspektivy institucionalizacii BRIKS [Prospects of BRICS institutionalization]. *Voprosy jekonomiki*, no 8, pp. 25–42. (In Russian.)
- Hudjakova L.S. (2013) Postkrizisnoe finansovoe regulirovanie na mezhdunarodnom urovne [The post-crisis financial regulation at the international level]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, no 1, pp. 3–14. (In Russian.)
- IMF (2011) *Quota and Voting Shares Before and After Implementation of Reforms Agreed in 2008 and 2010*. Available at: https://www.imf.org/external/np/sec/pr/2011/pdfs/quota_tbl.pdf (accessed 18 October 2016).
- IMF (2016) *Currency Amounts in New Special Drawing Rights (SDR) Basket*. IMF. Available at: https://www.imf.org/external/np/fin/data/rms_sdrv.aspx (accessed 18 October 2016).
- Lall R. (2014) *The Distributional Consequences of International Finance: An Analysis of Regulatory Influence*. The Global Economic Governance Programme. University of Oxford. GEG Working Paper 2014/90.
- Lebedeva M.M. (red.) (2012) Metamorfozy mirovoj politiki: kollektivn. Monografija [Metamorphoses of World Politics]. Moscow: MGIMO-Universitet. P. 316–329. (In Russian.)
- Mamrova I., Koshar S. (2014) Finansovoe regulirovanie “Gruppy dvadtsati”: ot mezhdunarodnoy koordinatsii k nadnatsional’noj [The G20 Financial Regulation: Leading the Way for Transforming Intergovernmental Coordination Processes into a Supranational Governance]. *International Organisations Research Journal*, no 1, pp. 71–87. Available at: <https://iorj.hse.ru/en/2014-9-1/116265034.html> (accessed 18 October 2016). (In Russian.)

- Mohan R., Kapur M. (2015) *Emerging Powers and Global Governance: Whither the IMF?* IMF Working Paper. WP/15/219. October.
- Moschella M. (2015) Currency Wars in the Advanced World: Resisting Appreciation at a Time of Change in Central Banking Monetary Consensus. *Review of International Political Economy*, vol. 22 (01), pp. 134–161.
- Nelson St. (2014) Playing Favorites: How Shared Beliefs Shape the IMF's Lending Decisions. *International Organization*, vol. 68 (0), pp. 297–328.
- Payne A. (2014) Upravlenie global'nym krizisom: pochemu byl sozdan sammit "Gruppy dvadtsati" i dlya kakikh tseley on nam do sikh por nuzhen? [Governing Global Crisis: Why the G20 Summit Was Created and What We Still Need It to Do?]. *International Organisations Research Journal*, no 4, pp. 11–21. Available at: <https://iorj.hse.ru/en/2014-9-4/140030018.html> (accessed 18 October 2016). (In Russian.)
- Peet R. (2009) *Unholy Trinity: The IMF, World Bank and WTO*. 2nd Edition. Zed Books.
- Preksin O.M. (2013) Na puti k sammitu v Strel'ne: finansovaya tematika v povestke "Gruppy dvadcati" [On the way to Strel'na: from Declarations to Action – Financial Agenda of G20]. *Vestnik Finansovogo universiteta*, no 3 (75), pp. 28–40.
- Rapkin D., Strand J. (2006) Reforming the IMF's Weighted Voting System. *The World Economy*, vol. 29 (03), pp. 305–324.
- Rewizorski M. (2015) "Gruppa semi/vos'mi" – "Gruppa dvadtsati" – BRIKS: novaya triada v global'nom upravlenii? [G7/8 – G20 – BRICS: A New Triad in Global Governance?]. *International Organisations Research Journal*, no 4, pp. 29–48. Available at: <https://iorj.hse.ru/en/2015-10-4/170084358.html> (accessed 18 October 2016). (In Russian.)
- Smyslov D.V. (2012) Reformirovanie Mezhdunarodnogo valjutnogo fonda: problemy i resheniya. Reguljativnye aspekty [IMF Reform: Problems and Solutions. Regulatory Aspects]. *Den'gi i kredit*, no 2, pp. 33–44. (In Russian.)
- Stolbov M.I., Degterev D.A. (2011) Scenarii razvitiya mezhdunarodnoj finansovoj sistemy [Scenarios for Evolution of Global Finance]. *Mezhdunarodnyye process*, no 1, pp. 15–24. (In Russian.)
- Taagepera R., Shugart M.S. (1997) Opisanie izbiratel'nyh system [Description of Electoral Systems]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, no 3, pp. 114–136. (In Russian.)
- Tkachenko S.L. (2004) The Study of International Political Economy in Russia. *Communist and post-Communist Studies*, vol. 37, pp. 111–120.
- Truman E. (2006) *Reforming the IMF for the XXIst Century*. Special Report. Peterson Institute.
- Tsingou E. (2015) Club Governance and the Making of Global Financial Rules. *Review of International Political Economy*, vol. 22 (02), pp. 225–256.
- Van Houtven L. (2002) *Governance of the IMF: Decision Making, Institutional Oversight, Transparency, and Accountability*. Pamphlet Series, no 53. International Monetary Fund.
- Woods N. (1999) Good Governance in International Organizations. *Global Governance*, vol. 1 (5), pp. 39–61.
- Woods N., Lombardi D. (2006) Uneven Patterns of Governance: How Developing Countries Are Represented in the IMF. *Review of International Political Economy*, vol. 13 (03), pp. 480–515.
- Yueting Jiang (2014) *Bloc Voting – A New Voting System for the International Monetary Fund*. Law Faculty, University of Kansas. Available at: <https://kuscholarworks.ku.edu/handle/1808/14199> (accessed 18 October 2016).